

Часть первая

«Хлопот с нею немного — ей бы только стоять где-нибудь да вокруг глядеть».

Соседка, которой мать оставляла свою дочку, сначала не поверила. Но так и оказалось! Годовалая девочка встала в кухне и начала разглядывать по порядку все, что там было: стол и четыре стула, буфет, плиту, сковородки на ней, над плитой черпаки, дальше — мойку, она же умывальник с зеркальцем на стене, окно, занавески, наконец, лампу под потолком. Потом она сделала один шагок, другой и остановилась в раскрытых дверях спальни. Она так же неторопливо по очереди осмотрела все, что было там: кровать, тумбочку, шкаф, комод, окно, занавески и, наверху, лампу. Она смотрела с интересом, хотя квартира у соседки была в точности такая же и так же обставлена, как у родителей девочки. Решив, что малышка уже все осмотрела, да и много ли тут в двухкомнатной увидишь, даже уборная не в квартире, а отдельно, на лестничной площадке, соседка поставила девочку на стул возле окна.

Квартал этот был кварталом бедняков, за высокими домами были замкнутые со всех сторон темноватые задние дворы, и в них вторым рядом громоздились еще дома. На узкой, плотно застроенной улице

сновали прохожие, проезжали трамваи и повозки, с которых продавали картошку, зелень и овощи, туда-сюда бродили люди, мужчины и женщины, с лотками на перекинутом через плечо ремне, — они торговали вразнос всякой мелочью, сигаретами и спичками, в толпе шныряли мальчишки, они продавали газеты, и женщины, они продавали себя. На перекрестках стояли мужчины, ждали, не подвернется ли дело, хоть какое. Каждые десять минут по рельсам бежала конка, впереди две лошади, тянувшие вагончик, и девочка хлопала в ладоши.

Став постарше, девочка по-прежнему любила стоять где-нибудь и смотреть по сторонам. Не потому, что ножки плохо ее слушались, — ходила она хорошо и уверенно. Но ей хотелось видеть и понимать, что и как делается вокруг. Родители почти не разговаривали ни между собой, ни с дочкой. Словам и понятиям девочка научилась благодаря соседке. Та любила поговорить. Когда-то она упала, покалечилась и с тех пор не работала; она часто оставалась присмотреть за девочкой, когда мать была занята. Выходя с девочкой погулять, соседка еле брела, то и дело останавливаясь передохнуть. Зато она говорила обо всем, что они видели вокруг, объясняла, учила, и девочка слушала жадно, а медлительность соседки и частые остановки ей даже нравились.

Соседка часто думала, что девочке надо бы побольше играть с другими детьми. Но в сумрачных дворах и на лестничных клетках царили суровые порядки, там спуску никому не давали: чтобы с тобой считались, нужно было уметь постоять за себя, нужно было бороться, а кто не боролся, того все шпыняли и обижали. Игры детей были не столько забавой, сколько подготовкой к будущей жизненной

борьбе. Девочка не была ни робкой, ни слабенькой. Просто она не любила эти игры.

Читать и писать она научилась еще до школы. Сперва соседка не хотела ее учить: ведь потом в школе девочке будет скучно. Но все-таки научила, и девочка читала книжки, которые нашлись у соседки, — «Сказки» братьев Гримм, «Сто пятьдесят нравоучительных рассказов для маленьких детей» Франца Гофмана, «Судьбу куклы Вундерхольд»¹ и «Петера Неряху»². Она подолгу читала стоя, у буфета или у подоконника.

Но и не умея она читать и писать, в школе ей все равно было бы скучно. Учитель, стуча указкой, вдалбливал в головы сорока первоклассниц алфавит, букву за буквой, как эти буквы пишутся, как читаются, и все надо было повторять вслух, хором, это нагоняло тоску. А вот счету девочка училась с удовольствием — потом ведь пригодится, чтобы в лавках проверять продавцов, и петь она любила, а на уроках по истории родного края учитель водил класс на экскурсии, и девочка много узнала о городе Бреслау и его окрестностях.

---

¹ Сказочная история Антонии Космар (1806–1870) — переложение французской сказки Луизы Д’Олне. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Сказка в стихах немецкого врача-психиатра Генриха Гофмана (1809–1894), написанная им для маленького сына; в России известна в анонимном переводе 1849 г. как «Степка-растрепка».

Узнала она и то, что ее окружает бедность. Школьное здание, новое, из красного кирпича, с пилястрами и карнизами из желтого песчаника, было самым красивым в квартале, притом что другие дома вовсе не были неказисты. Школа это школа. Но вот когда девочка увидела импозантные жилые дома на широких улицах, окруженные садами виллы, пышные общественные здания, просторные площади и зеленые скверы, когда заметила, насколько легче ей дышится на набережных и мостах, она поняла, что в ее квартале живет беднота и что сама она тоже беднячка.

Отец девочки был портовым грузчиком и, когда работы в порту не было, сидел дома. Мать девочки была прачкой, обстирывала приличных людей, она приходила в хорошие дома, забирала белье и, завязав в объемистый узел, на голове несла его домой, потом, уже выстиранное и выглаженное, она аккуратно складывала белье стопкой, заворачивала в чистую простыню и, опять же примостив на голове, относила по адресу. От заказов отбоя не было, но платили за стирку гроши.

Однажды, проработав на погрузке угля несколько суток подряд совсем без сна и без отдыха, отец

слег. Головная боль, головокружение, озноб — мама делала ему холодные компрессы на лоб и на икры. Через день, увидев красную сыпь у него на груди и животе, испугалась и побежала за врачом, тут у нее самой началось головокружение и лихорадка, врач поставил диагноз — сыпной тиф и отправил обоих в больницу. С девочкой они попрощались наспех.

Больше она родителей не видела. Посетить их в больнице не разрешили из-за опасности заражения. Соседка, которая на это время взяла девочку к себе, все говорила, мол, вернутся твои родители, но через неделю умер отец, а через десять дней и мать. Девочка с радостью осталась бы у соседки, и соседка с радостью оставила бы ее у себя. Однако бабушка с отцовской стороны решила забрать внучку к себе в Померанию.

Уже в те дни, когда бабушка хлопотала, занимаясь похоронами, продажей домашнего скарба, и забирала из школы документы внучки, отношения у них не заладились. Ведь бабушка не одобряла выбор сына и с самого начала невлюбила невестку. Гордясь своей немецкой кровью, она считала Ольгу Новак неподходящей супругой для своего сына, пусть даже Ольга и свободно говорила по-немецки. Бабушка была недовольна и тем, что девочку тоже называли Ольгой. Теперь, когда дитя под ее опекой, решила бабка, нужно подобрать внучке немецкое имя вместо славянского.

Но внучка воспротивилась. Когда бабка пыталась растолковать ей, почему немецкое имя лучше, чем славянское, Ольга смотрела на нее пустыми глазами. Когда бабка стала предлагать ей на выбор разные немецкие имена, хорошие по ее мнению, от Эдель-

труды до Хильдегарды, ни одно из них Ольга не захотела взять себе. Когда же бабка объявила: все, мол, хватит, отныне Ольга не Ольга, а Хельга, то есть зовут ее почти так же, как раньше, девочка скрестила руки на груди, замолчала, на имя Хельга не отзывалась, вообще никак не реагировала. Так, в молчании, они доехали поездом из Бреслау в Померанию, так провели и первые дни по приезде. Потом бабушка сдалась. Но Ольгу с тех пор считала упрямым, невоспитанным, неблагодарным ребенком.

На новом месте все для Ольги было чужим: ведь после большого города она оказалась в маленькой деревне, вокруг которой простиралась широкая равнина; после школы для девочек, где было много классов, она попала в школу со смешанным обучением, да еще и помещалась вся эта школа в одной комнате; раньше вокруг были бойкие силезцы — теперь степенные поморяне, раньше у нее была добродушная соседка — теперь суровая бабушка; раньше она могла сколько угодно читать — теперь ей приходилось работать в поле и в саду. Она покорилась, дети бедняков с малолетства приучаются к покорности. Но она ждала от жизни большего, чем другие дети, хотела больше знать, больше уметь, большему научиться. У бабушки не было ни книг, ни пианино, и Ольга донимала просьбами школьного учителя, пока он не стал давать ей книги из своей домашней библиотеки, и органиста деревенской церкви, пока тот не показал ей, как играют на органе, и не разрешил приходить и заниматься. Как-то раз на занятиях для готовящихся к конфирмации пастор неodobрительно упомянул о книге Давида Фридриха Штрау-

са «Жизнь Иисуса»¹, — так Ольга и пастора упростила принести ей эту книгу.

Она всегда была одна. В деревне дети меньше играли, чем в городе, так как должны были работать. А когда они играли, то грубостей и тут хватало, однако Ольга сумела постоять за себя. Но она не стала по-настоящему своей среди них. Ее влекло к другим детям, которые тоже были не из этой компании. И такого друга она нашла. Он тоже был не такой, как все. С самого раннего детства.

---

¹ Двухтомный труд немецкого философа, теолога и публициста Давида Фридриха Штрауса (1808–1874) «Жизнь Иисуса» (1835) произвел чрезвычайно сильное впечатление и на богословов, и на публику, хотя написан трудным для неспециалистов языком. Согласно Штраусу, Евангелия несут в себе элементы ненамеренного мифотворчества, возникшего после смерти Иисуса. Штраус признает существование Бога как источника природных законов, что исключает признание чуда как враждебного законам природы, а значит, и воле Бога. Книга вызвала ожесточенную полемику, была одним из толчков к разделению школы Гегеля на правых и левых гегельянцев; она же послужила исходным пунктом для создания тюрбингенской философской школы, а также навлекла гонения на своего автора.

Едва встав на ножки, он, малыш, устремился куда-то идти. Ему не нравилось ходить, это было слишком медленно, один шаг, потом другой. Не успев поставить одну ногу, он уже спешил сделать следующий шаг и падал. Он вставал, делал шаг и еще один, но так медленно он не мог и опять торопился со следующим шагом, толком не сделав первого, и опять падал. Вставал, и падал, и опять вставал — он нетерпеливо, упрямо повторял то же самое снова и снова. «Не хочет шагом идти, — думала мать, глядя на сына, — ему бы только бежать», — и качала головой.

И, даже усвоив, что прежде, чем шагнуть второй раз, надо закончить первый шаг, он все равно не хотел ходить спокойно. Он топотал, быстро-быстро перебирая ногами, вскоре родители стали водить его на помочах — это было модно, и часто смеялись, глядя, как их малыш на прогулке бежит трусцой, точно маленький пони. Но родителей смущало то, что другие дети все же лучше ходят «в упряжке», чем их сын.

В три года он бегал вовсю. Он носился по просторному дому, где было три этажа и два чердака, по длинным коридорам, по лестницам, по анфиладам комнат, с разгону выбегал на террасу, мчался через парк, из парка бежал в поля и лес. Когда его отдали

в школу, он всю дорогу от дома до школы пробегал бегом. Не потому, что поздно просыпался или долго возился с чисткой зубов и прочим и боялся опоздать на урок. Просто ему нравилось бегать, а ходить шагом он не любил.

Вначале вместе с ним бегали и другие дети. Его отец был самым богатым человеком во всей деревне, и многие семьи имели заработок и хлеб благодаря тому, что он давал им работу у себя в поместье, он также улаживал споры, оказывал поддержку церкви и школе, во время выборов следил, чтобы мужчины правильно выбирали. Поэтому деревенские дети с уважением смотрели на его сына и во всем брали с него пример, однако почтительность, которую проявлял к нему учитель, а также то, что манеры, речь и одежда у него были совсем другие, — все это выделяло его среди них как чужака. Может быть, дети с радостью подчинились бы ему всей ватагой, пожелай он стать их предводителем. Но ему это было неинтересно, причем не от самомнения, а потому, что такая уж у него была своевольная натура. Пусть другие играют в свои игры — у него есть свои. Ему не нужны были никакие товарищи. И уж тем более для того, чтобы бегать!

Когда ему исполнилось семь лет, родители подарили ему на день рождения щенка. Они, англomanы, восхищались королевой Викторией, вдовой императора Фридриха¹, потому и выбрали для подарка бордер-колли, английскую пастушью собаку, — пусть бегаёт вместе с мальчиком и охраняет его, решили

---

¹ *Виктория* (1840–1901) — королевская принцесса Британской империи, впоследствии императрица Германии и королева Пруссии, жена Фридриха III, императора Германии и короля Пруссии (1831–1888).

родители. Пес и бегал — всегда впереди их сына, часто оглядываясь и безошибочно угадывая, в какую сторону тот направляется.

Они носились по дорогам и полевым межам, по лесным тропкам и просекам, а нередко и по бездорожью, напрямик через заросли и луга. Сын любил открытое поле и светлый лес, а когда поля колосились, он бегал среди высоких хлебов, и ему нравилось, что колосья хлещут его по голым рукам и ногам, в лесу же он мчался напролом через заросли — здесь ему нравилось, что ветви царапают и колют, но он сумеет вырваться, если кустарник попытается его удержать. Потом бобры построили плотину, запрудив ручей, и он пробежал через неглубокий пруд от берега до берега. Ничто не могло его остановить, решительно ничто.

Он знал, когда на станцию прибывает поезд и когда отходит, он бежал к станции, бросался наперегонки с поездом и мчался, пока его не обгонял последний вагон. Он рос, и чем старше становился, тем дольше мог бежать наравне с поездом, не отставая. Но не это было важно. Он бросался за поездом, чтобы в этой гонке сердце билось и дыхание вздымало грудь так сильно и часто, что просто не бывает сильней и чаще. Он мог и в одиночку мчаться, пока не настанет этот миг предельного напряжения сил, но куда увлекательней казалось испытать его в гонке за поездом.

Он слышал свое шумное дыхание, слышал стук своего сердца. Он слышал свой бег, топот своих ног, равномерный, уверенный, легкий, и при каждом ударе ног о землю он отталкивался от земли, и каждое отталкивание было как взлет. Порой ему казалось, будто он летит по воздуху.

Родители дали ему имя Герберт: отец был до мозга костей военный человек, после сражения при Гравелоте¹ награжденный Железным крестом, он хотел, чтобы сын вырос «блестящим воином», ибо таково значение имени Герберт. Он объяснил сыну, что означает его имя, и Герберт своим именем гордился.

Он гордился и Германией, молодой империей, с молодым императором, гордился и своими родителями, и сестрой, и поместьем своей семьи, солидными владениями, красивым домом. Лишь асимметричность главного фасада его огорчала. Парадная дверь почему-то находилась не в центре, а правее, пять окон прямо над нею были расположены симметрично, а на последнем, третьем этаже опять-таки три окна были слева от двери и только одно справа. Никто не знал, почему при строительстве получилась такая несуразность — дому было больше двухсот лет, семья Герберта приобрела поместье не так давно.

Дед Герберта купил поместье у здешнего обедневшего дворянина в надежде, что будет пожалован дворянством, а если не он сам, то уж точно его сын,

---

¹ Битва при Сен-Прива́ (Гравелот) 16 августа 1870 г. — одно из самых крупных и тяжелых сражений Франко-прусской войны, принесшее победу Пруссии.

герой битвы при Гравелоте. Отец Герберта тоже надеялся получить дворянский титул — в придачу к дворянскому поместью и Железному кресту. Однако он так и остался просто господином Шрёдером, а вот Герберт позднее прибавил к своей фамилии название поместья, через черточку, ему не хотелось, чтобы его смешивали с однофамильцами, которых было немало¹.

При всех этих мечтах о пожаловании благородного звания дед и отец были людьми здравомыслящими и работающими. Они привели в порядок поместье, построили сахарный завод и пивоварню, они располагали достаточными средствами и для того, чтобы играть на бирже. Дом Шрёдеров был полной чашей, Герберт и его сестра Виктория ни в чем не знали отказа, если, конечно, желания были разумными. Так, не могло быть речи о пропуске занятий в школе или литургии в церкви, и, напротив, считалось разумным желание поехать в Берлин; читать романы — неразумно, читать книги по отечественной истории — разумно; желание получить в подарок английскую игрушечную железную дорогу с настоящим паровичком — неразумно, зато просить себе в подарок лодку и ружье — это разумно. Четыре года брат и сестра ходили в сельскую школу вместе с деревенскими ребятами, затем перешли на домашнее обучение. У них были учитель математики и естествознания и учительница, обучавшая их язы-

---

¹ В историю германских географических исследований он вошел как Герберт фон Шрёдер-Штранц (1884–1912), немецкий офицер, служивший в колониальных войсках, участвовавший в подавлении восстания туземных племен, затем путешествовавший по Кольскому п-ву и Карелии; с 1905 г. занимался организацией экспедиции по исследованию Северного морского пути, которая вышла на маршрут в августе 1912 г.

кам и предметам, расширяющим культурный кругозор. Герберт учился также игре на скрипке, а Виктория — игре на фортепиано и пению. Герберт, кроме того, выполнял некоторые поручения по управлению помещьем, для того чтобы, когда придет пора, он уже знал, чего можно требовать от управляющего и чего от батраков и батрачек.

Когда Герберт начал готовиться к предстоящей конфирмации, на эти занятия отправили и Викторию, хотя она была на год младше брата и ей еще рано было думать о конфирмации. Родители хотели, чтобы их дети ходили на эти занятия вместе с деревенскими, как раньше они посещали уроки в народной школе, но, кроме того, надо было позаботиться о том, чтобы старший брат защищал Викторию от грубости деревенской ребятни. Сама-то Виктория вовсе не боялась других детей. И брат, и сестра отличались надменным бесстрашием, столь свойственным людям, которые живут, не зная горя, и могут не опасаться бед в будущем. Впрочем, Виктории не помешало бы добавить к своим манерам очарования женской слабости, а Герберту — рыцарской мужественности и силы. Обоим их новые роли пришлись по душе. Герберт иногда нарочно провоцировал деревенских мальчишек на грубые выходки, чтобы защищать от них сестру. Но деревенские дети на провокации не поддавались. Никто не хотел связываться с господскими детьми.

Никто, кроме Ольги. Герберт и Виктория не устояли перед тем любопытством и восхищением, какие Ольга проявляла к их миру. То, что они так быстро подружились с Ольгой, свидетельствует об их одиночестве, которого сами они не сознавали.

На фотографии — эти трое в саду. Виктория сидит на качелях, скрестив ноги, чуть склонив набок голову, она в пышном платье и широкополой шляпке, украшенной цветами, на плече держит раскрытый зонтик. Слева от нее стоит, опираясь на качели, Герберт, он в коротких штанах и белой рубашке. Справа — Ольга в темном платье с белым воротничком. Эти двое смотрят друг на друга так, как будто без слов сговариваются разом, дружно подтолкнуть качели. На лицах у всех троих выражение серьезное, даже истовое. Может быть, они представляют здесь сцену из какой-то книжки? Герберт и Ольга прислуживаются к Виктории? Потому что она самая младшая? Потому что она умеет верховодить старшим братом и старшей подругой? Но что бы они ни хотели выразить, желание их серьезно и истово.

Каждому из них можно дать все восемнадцать лет, хотя на обороте карточки есть надпись — снимок сделан накануне конфирмации. Обе девушки белокуры, у Виктории пышные локоны волной ниспадают на плечи, гладкие волосы Ольги собраны узлом на затылке. У Виктории губы капризно поджаты, сразу видно, что она бывает несносной, если ее что-то не устраивает в окружающем мире. У Ольги

волевой подбородок, резко очерченные скулы, широкий и высокий лоб — энергичные черты, которые тем больше радуют взгляд, чем дольше ты ими любуешься. Обе девушки выглядят вполне сформировавшимися, они готовы к семейной жизни, рождению детей, заботам о доме. Это две юные женщины. Герберт же только хочет быть взрослым мужчиной, но на самом деле он еще мальчуган, невысокий, коренастый, крепкий, стоит, расправив плечи, высоко подняв голову, а все же ростом он не обогнал девушек, да и никогда не обгонит.

И на более поздних фотографиях Герберт с удовольствием позирует; в этом он, конечно, берет пример с молодого германского императора. Виктория довольно скоро располнела — вкусная еда примирила ее с окружающей жизнью, обмякшие черты пухлого личика притушили выражение капризного недовольства и придали Виктории чувственное и детское очарование. От Ольги за довольно долгий период не осталось ни одной фотографии: только родители Герберта и Виктории могли позволить себе такую роскошь — пригласить фотографа, да и на тот единственный снимок Ольга не попала бы, не окажись она в тот день в доме Шрёдеров.

После конфирмации Виктория начала упрашивать родителей отправить ее в Кенигсберг в пансион для девиц. Однажды в соседнем дворянском поместье был праздничный вечер, и дочь хозяев рассказала Виктории о жизни в пансионе, о том, какая там во всем элегантность и роскошь, и еще обмолвилась, мол, для уважающей себя девушки непозволительно расти и воспитываться среди простых крестьян. Родителям идея дочери не понравилась, но Виктория упрямо стояла на своем. И с тем же упрямством

она, уже добившись своего, утверждала, что скромная жизнь воспитанниц пансиона — это и есть жизнь благородного общества.

Ольга хотела поехать в Познань и поступить в женскую учительскую семинарию. Для этого надо было сдать вступительный экзамен по программе выпускного класса женской гимназии. Она готова была каждое утро ходить пешком за семь километров в окружной город, где была гимназия, а вечером проходить те же семь километров, возвращаясь домой. Но денег, чтобы платить за гимназию, у нее не было, а ходатайства об обучении за казенный счет Ольге не дали: деревенские учитель и священник считали, что гимназическое образование девицам ни к чему. Раз так, Ольга решила самостоятельно освоить программу старших классов гимназии.

Она пришла в гимназию узнать, какие должны быть знания у выпускниц. Большое здание, широкие лестницы, длинные коридоры и множество дверей, а еще легкость, с какой на переменах, после прозвеневшего звонка, девушки смеялись и болтали, высыпав в залу рекреации, да еще та уверенность, с какой учительницы, высоко подняв голову, шествовали в классные комнаты и по коридорам, — от всего этого Ольга оробела, да так, что забилась в угол возле лестницы и все только смотрела, не осмеливаясь выйти. Там ее и заметила после окончания уроков одна учительница. Она выслушала все, что, едва не плача, пролепетала Ольга, взяла ее за руку и привела к себе домой.

— Закон Божий, немецкий язык, история, арифметика, география и природоведение. Чистописание, пение, рисование, рукоделие. Осилишь ли ты все это?

Катехизис Ольга знала наизусть благодаря подготовке к конфирмации; она читала драмы Шиллера, романы Фрейтага и «Отечественную историю пруссов» Зегерта, она знала наизусть стихи Гёте и Мерики, Гейне и Фонтане, знала и многие песни из сборника Эрка¹ «Немецкий песенный сад». Учительница велела Ольге прочитать стихотворение, спеть песню и решить в уме несколько арифметических задачек. Она повертела в руках ридикюль, который Ольга сама связала крючком, и у нее не осталось сомнений в способностях Ольги к рукоделию, а также чистописанию и рисованию. Камнем преткновения оставались география и природоведение — Ольга знала многие растения, деревья, цветы, грибы, но она слыхом не слыхала о классификации животных и растений, о Карле Линнее и Александре Гумбольдте.

Учительнице Ольга понравилась. Она дала девушке учебники по географии, по домоводству и по природоведению, сказала: «Если нужна будет помощь, милости прошу. Да! Хорошенько почитай Библию и „Фауста“!» — и с тем отпустила.

Герберт знал, что с восемнадцати лет поступит в гвардейский пехотный полк. А до этого времени надо было подготовиться к экзамену на аттестат зрелости. Он занимался с домашними учителями, учился старательно. Но сердце его принадлежало стрельбе и охоте, верховой езде, гребле и бегу. Он знал, что однажды к нему перейдут поместье, сахарный завод и пивоварня, он понимал, что отец правильно делает, посвящая его в управление и хозяй-

---

¹ *Людвиг Кристиан Эрк* (1807–1883) — немецкий собиратель народных песен, педагог и композитор.

ственные дела. Но он не видел себя в этой роли — владельца поместья и предприятий. А видел он широкий простор земли и неба. Когда он бегал, то поворачивал назад не потому, что силы были на исходе, а потому, что наставала темная ночь и мать дома наверняка начинала тревожиться. Он мечтал когда-нибудь пуститься бегом вслед за солнцем, бежать и бежать, чтобы светлый день никогда не кончался.